

Айя Овезова

Невероятный
Новый год,

ИЛИ

Лесные духи в Векшино

Иллюстрации автора

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

Неведома зверушка

Ты кто? Серая шубка, пушистая и лёгкая, как пух на одуванчике. Не то шерсть, не то серый дымок. Пушистые развесистые уши. Розовое рыльце на мордочке, как у землеройки. Вообще-то, не мордочка, а почти лицо: не человеческое, но и не звериное, это точно.

Петька плотнее прижался к мышиному ходу, прогрызенному в стене между старой швейной машинкой и шкафом с крупами-солениями, и засопел, пытаясь разглядеть растаявшую в темноте невиданную зверушку. Которая определённо зверушкой не была! А кем? Откуда взялась? Как её снова увидеть? А может — это всё-таки мышь?

Вопросов было столько, что в небольшой Петькиной голове стало от них тесно, и началась лёгкая головная боль. Пришлось залезть в буфет и полечиться маленькими пряниками

в происходящее) долго терпели, глядя на это безобразие. Ангелы качали головами, вздыхали, так что по комнате пробегал лёгкий сквозняк, но Синицыны его не замечали. Наконец ангелы решили действовать — именно с этого и началось Большое Приключение.

Бабушкин ангел вынул откуда-то маленькое сияющее воспоминание, похожее на золотое яблочное зёрнышко, и вложил в бабушкино сердце. Ей вдруг стало очень тепло. Она вспомнила, как была девчонкой с тощими косичками

и перепачканным чернилами носом, как зимними вечерами вся её семья мастерила ватных зайцев для ёлки, как читали вслух рассказы Диккенса и ждали, когда наступит момент достать из шкафа коробку с волшебными стеклянными шарами...

Бабушка очнулась.

— Нет, так совершенно невозможно! Мы тут сидим, как сычи, каждый в своём дупле. Скоро друг с другом разговаривать разучимся. Дети хотя бы играют вместе.

набралась шерстяная гора тёплых вещей, изрядное количество еды, книжки, альбомы, карандаши, новенький конструктор и целый автопарк, чемодан лекарств, которые мама везла, «чтобы точно не понадобились», и большущая сумка неизвестно с чем. Сумку собирали мама с бабушкой, и на приставания сыновей, интересовавшихся её содержимым, отвечали таинственно: «Потом узнаете».

Петька, глядя на обилие сумок и рюкзаков, испугался, что в машине не хватит места людям, но спустя час все сумели упихнуться в салон. Тут, конечно, папин ангел помог: потихонечку добавил машине немного пространства, позаимствовав его в соседнем измерении. Все списали это на папину суперспособность укладывать вещи. Папа был чрезвычайно собой доволен.

— Не возгордился бы, — забеспокоился бабушкин ангел.

— Ничего, когда обратно поедут — я и пёрышком не шевельну, — заметил папин ангел. — Самому интересно, как он в багажник санки будет пристраивать.

Машина Синицыных тронулась с места. Санька приготовился смотреть на дорогу. Петьке

В этом году лесовичок как обычно заранее готовился к спячке: натаскал в спальню и мягких перьев, и сухих травинок, и камышового пуха, и мха. Всё шло своим чередом до того момента, пока на тропинке, рядом с которой росла липа, не появились трое мальчишек.

Они были городскими, к лесу непривычными — это сразу было видно. Родители притащили их, как они говорили, «в эту дыру» подышать воздухом. Вот они и дышали, злились и страшно страдали из-за отсутствия привычных развлечений. Мальчишкам было скучно: вокруг только лес, поле и деревня. А когда человек не привык справляться со скукой и не может занять себя чем-то интересным — он принимается страдать ерундой.

Троица страдала с размахом. Хулиганы уже успели свалить ветхий забор у кособокого домишки на краю Векшино, подразнить и довести до истерики местных собак за закрытыми воротами, а теперь бродили на окраине леса.

Самый здоровый и самый противный Пашка, по прозвищу Паштет, придумал развлечение: искать деревья с трещинами и дуплами и «подкуривать» их — засовывать внутрь

подожжённый кусок пластмассы. Хулиганы были в восторге. Вонючий, едкий дым тёк по стволу, просачивался тонкими струйками наружу, выгонял насмерть перепуганных сонных зверюшек и птиц из их домов. Выскакивали мышки, из одного дупла вылетела взъерошенная маленькая сова. Все они оставались без крова и без припасов, незащитные перед скорыми морозами.

Тут на глаза троице попала та самая липа, в которой на разных этажах жили три лесные мышки, пожилой уж, белка, мелкий лесной дух и, конечно, Душа Дерева. Паштет засунул в нижнее дупло кусок горящего пластика, пламя лизнуло липу, попробовало её на вкус и с аппетитом набросилось на дерево. Через несколько минут огонь с деловитым рёвом пожирал ствол.

Приятели сначала испугались и хотели дать дёру: они не ожидали такого эффекта, не догадались, что липа была слишком старой и местами сухой. Но, оглядевшись по сторонам, троица успокоилась — другие деревья росли в отдалении, огонь не мог на них перекинуться. Опасности вроде не было, так стоит ли пропускать такое зрелище? Ни за какие коврижки! Если кто из взрослых покажется, мож-

но сбежать через опушку и огородами домой. Пусть докажут, что это они липу подпалили.

— Подумаешь, всё равно сушняк почти, — заявил Колбасин, тощий приятель Пашки.

Тем временем старая липа, которая собиралась пожить ещё лет тридцать, погибала в огне. И с ней — Душа Дерева. Мелкий лесной дух успел выскочить вместе с мышками, белкой и ужом. Невидимый мальчишкам лесовичок забрался на ветку ближайшей берёзы. Он дрожал и от холода, и от ярости и старался хорошенько запомнить обидчиков.

Имя и новая жизнь

У лесных духов память как у воробья. Прошло полчаса, и все события стёрлись, будто не было ничего. Сознание у этих существ маленькое, а душа и того меньше — меньше ростка или берёзовой почки. Лесовички живут здесь и сейчас, не заботясь о будущем, не печальась о прошлом. Но всё может измениться в одно мгновение. Для этого этим существам нужно Имя. И так уж повелось, что Именем наречь духов может только человек. Тогда в странном существе вспыхивает разум, начинает светиться душа, лесное создание учится мыслить и помнить.

Мелкий лесной дух, изгнанный из липы, спустился с берёзы и начал искать тёплое и укромное местечко. Не оставляя следов на седой от снега траве, лесовичок отправился к деревне. Чутьё привело мелюзгу к домику на окраине Векшино, где хозяйкой была тётя Нюра, женщина суровая и крепкая, но до смерти боявшаяся мышей.

Когда иззябший лесовичок юркнул через открытую форточку в кухню и принялся

шебуршить да устраиваться около печки, между валенками и кочергой, тётя Нюра приняла его за особенно крупную мышь. А может, даже крысу.

— Кыш! А ну, кыш отсюда! — завопила тётя Нюра, запуская в крысу деревянной ложкой и вскакивая на стол — ногой прямо в тесто для пирога.

Тут одновременно случилось несколько вещей.

А вот что было ненормально и плохо: ожило одно из самых опасных мест в лесу — Чёртово болото. Ох, не зря мудрые прадеды давали подобным местам такие имена, словно предупреждая потомков: опасно, не ходите сюда!

Осенью в Чёртовом болоте стояли глубокие ямы-бочажки с прозрачно-янтарной, отфильтрованной торфом и растениями водой. На кочках росла самая крупная в округе клюква, самая сладкая брусника. После первых заморозков на болото, несмотря на его нехорошую славу,

приходили за ягодой деревенские. К участкам, поросшим камышом, люди не совались: знали, что здесь в трясину угодить проще простого. Ходили осторожно по знакомым меткам да тропам. Сплетённый из мхов и карликовых кустарников ковёр пружинил под ногами. И, конечно, до темноты на болоте никто не задерживался.

Зимой же Чёртово болото застывало и замолкало, ничья нога не ступала сюда вплоть до поздней весны.

Стояла ясная ночь, и слабый звёздный свет серебрил ветви мёртвых деревьев. Что-то сдвинулось в мире... И посередине замёрзшего бочажка на Чёртовом болоте проявилась тёмная проталина. В её непроницаемой глубине тускло вспыхивали и пропадали полосы зеленовато-голубого света. Кто-то сказал бы, что это светится болотный газ, но на этот раз свет был другим и пробирался сюда из нездешнего и очень плохого места. Что-то всплывало на поверхность из глубины, словно прогрызало ход во вдруг застывшем, вязком и густом мире. Полынья разрасталась, и филин, сидевший на вершине голой осины, не сводил с полыньи глаз.

Огромные шары и шары поменьше: с вдавленным боком, где мерцал «фонарик», расписанные снежками и морозными узорами, гладкие и матовые, словно подёрнутые инеем. Зайчики-трубадуры на прищепках, серебряные балерины, глазастые совы... Три избушки с крышами, засыпанными искрящимся снегом. Звездочёты в тёмно-синих и фиолетовых мантиях. Была даже па-